

На следующий день Дуань Чанчуань снова проснулся точно в час тигра.

Снаружи солнце еще не взошло, небо было тусклым и мрачным.

Под оконной решеткой на боковой тахте тихо спала женщина. В воздухе витал легкий аромат пионов, который даже перебивал амбру, ежедневно воскуряемую в покоях.

Он потрогал свою шею — стоило чуть-чуть прикоснуться, как с нее осыпались две маленькие кровавые корочки.

Похоже, место, где его укусили, уже зажило.

— Ваше Величество, вы проснулись?

Увидев, что он вышел из спальни, Чанлэ тут же велел принести горячей воды и полотенца.

На этот раз маленький евнух поумнел: зная, что Императрица еще не встала, он не смел и заглядывать туда, а целиком и полностью сосредоточился на том, чтобы прислуживать правителю — подать воды для умывания и освежить лицо.

— Ваше Величество, час тигра только перевалил за половину. Почтаете немного книг или прогуляетесь?

— Госпожа... Скажите хоть слово...

— Вот именно, вот именно. Прекрасно зная, чего я боюсь больше всего, ты обязательно должна это устроить. По-моему, никакая я не госпожа, а ты самая настоящая.

С этими словами он отправился докармливать лошадей.

Неожиданно он первым услышал слова, касавшиеся его самого.

Похоже, это были госпожа и служанка.

В те дни болезнь Прошлого императора накатилась со страшной силой: еще месяц назад он резвился на охотничьих угодьях, состязаясь с другими в меткости, и с улыбкой спрашивал его: «Хочет ли наш Си-эр научиться ездить верхом? Вот вернемся в императорский дворец, и отцовское величество отведет тебя в Императорскую конюшню, выберешь себе крепкого жеребчика».

Сюсю — это лошадь, которую Дуань Чанчуань вырастил с детства; он впервые соприкоснулся с

верховой ездой и стрельбой из лука в возрасте шести лет, когда лично отправился на ипподром выбирать коня.

Пройдя едва половину пути, он услышал плаксивый девичий голос:

— Госпожа, рабыня знает, что виновата. Вы можете бить рабыню, можете ругать, только не оставляйте меня без внимания...

Услышав это, та самая «госпожа» поспешно повернулась и поддержала служанку, прежде чем та успела опуститься на колени.

— Мугэ!

С тех пор прошло уже более десятка лет.

Заметив их приближение, та в испуге поспешно опустилась на колено.

А ее служанка стояла позади, не зная, что и делать.

— Схожу-ка на ипподром взглянуть. Вчера я видел Сюсю, она была очень ласкова, наверное, в последнее время слишком погряз в государственных делах и давно ее не навещал, вот и соскучилась по мне. Воспользуюсь тем, что эти дни выдались свободными, схожу провести.

Жеребенок только что достиг пятилетнего возраста — он был примерно с него ростом и почти такой же в высоту.

Когда они подошли к конюшням, все лошади уже проснулись, и конюх как раз подсыпал в кормушки просо и село.

— Беру эту. М-м, а вид у нее... С гор на рассвете облака уходят вслед за Сюсю, улепетнув с ветром, назад не вернутся*. Пожалуй, назову ее Сюсю.

— Рабы не знали, что пожаловал императорский паланкин...

Дуань Чанчуань махнул рукой:

— Встаньте. У меня сегодня нет дел, заглянул просто так прогуляться. Излишние церемонии ни к чему, прислуживать тоже не нужно.

— Госпожа... вы снова заговорили со мной!

Он вырос, и Сюсю тоже выросла.

Поскольку было утро, Дуань Чанчуань никого не стал тревожить, взяв с собой лишь одного Чанлэ.

Дуань Чанчуань вовсе не собирался подслушивать, он сделал знак Чанлэ и собрался обойти стороной по другой дорожке.

В тот день он сказал.

Слуга опустил одежды, поднялся и произнес:

— Слушаюсь.

— Рабыня... рабыня преклоняет перед вами колени...

На внешнем кругу содержались кони, предназначенные для тренировок начальствующих стражников, принцев и прочих. Конь же Дуань Чанчуаня стоял еще дальше, в специальной конюшне, где управляющий ухаживал за ним с исключительной заботой.

— Ну полно, какая там тысяча золотых за драгоценное тело? Разве у всех не один рот да два глаза? Если кто-то болтает языком почем зря, а тебе это слышать противно — так бей таких по губам, больно уж ты властная.

При этом развороте Дуань Чанчуань отчетливо разглядел ее лицо: это была Цзюньчжу Дуань Циньсюэ, которую он видел только вчера.

— Ай... и этот император хорош. Вчера госпожа звала его покататься вместе верхом, а он даже отвечать не стал, убежал заставлять Императрицу стрелять из лука... Иначе откуда бы взялись все эти разговоры.

С тех пор имя из его детского прозвища больше никто не произносил, а два слога «Цинси» стали в этих дворцовых стенах запретным табу императорской семьи*.

При этих словах колени ее подогнулись, и она снова собралась пасть ниц.

В тот день, когда он выбирал коня, Сюсю сразу приглянулась ему: это была небольшая кауряя лошадка с броской белой отметиной на лбу и бабках.

Месяц спустя Прошлый император внезапно ушел из жизни, оставив юного правителя спешно взойти на престол.

Они шли вглубь вдоль рядов конюшен.

Оказалось, хозяйка и служанка судачили о чем-то между собой.

— Простите, госпожа... Рабыня виновата.

Два больших водянистых глаза смотрели на него... Дуань Чанчуань почему-то вспомнил себя, лишившегося отцовской любви.

Дуань Чанчуань проследовал на звук и увидел двух девушек, стоявших у соседнего ряда конюшен.

Облаченная в роскошные одежды из нежно-желтого шелка дева гладила щипавшую траву лошадь и не произносила ни слова. Наверное, это и была та самая «госпожа», о которой только что говорила служанка.

Служанка тут же в испуге ответила поклоном:

— Рабыня не смеет! Госпожа, не губите рабыню... Вы — Цзюньчжу, обладаете драгоценным телом, как можно позволять всяким болтать языком попусту! Эти бабы да евнухи, стоит случиться хоть малейшему пустяку, способны перемывать кости целыми днями, давно пора приструнить их.

— Ты почему опять на колени! Сколько раз тебе повторять, не опускайся ты чуть что на колени, ай... Наша земля в Центральной равнине прекрасна во всем, плоха лишь эта привычка.

— Вы...

Случайно подслушать чужой разговор — и так неловко, а услышать при этом, как другие неправильно истолковывают твои поступки...

Дуань Чанчуань какое-то время даже не знал, стоит ли ему выходить.

Хотя он действительно не горел желанием излишне сближаться с Дуань Циньсюэ — в конце концов, она была дочерью его дяди-вана, — но вчера он и впрямь просто увидел, как Бай Су промахнулась мимо мишени, и, увлеченный этим, совершенно о ней забыл...

Судя по их разговору, выходило, что его непреднамеренный поступок заставил других судачить за их спинами.

Оставалось лишь вздохнуть.

— Кхе-кхе... — с неловким кашлем он вышел из укрытия.

Хозяйка со служанкой повернули головы и тут же торопливо присели в поклоне.

На их лицах читалось неподдельное смятение.

Дуань Чанчуань потер нос: прекрасно, в неловком положении оказался не он один.

— Эм, вчера я... вовсе не собирался обходить тебя стороной. Мы с премьер-министром Бай немного перебрали вина, так что мои действия вышли несколько опрометчивыми, — произнес он, а затем повернулся и отдал приказ: — Чанлэ, пусть люди из приказа тщательно выяснят, кто распускает языки, всех без исключения...

Он хотел сказать: всех без исключения выпороть палками. Но, вспомнив недавние слова Дуань Циньсюэ, обращенные к Мугэ, заколебался и передумал:

— Назначьте денежные штрафы. Тем, кто распускает сплетни, полгода не выплачивать награды от покоев любых главных господ. Как выясните, составьте список для управляющих ведомствами и тех господ, кому они прислуживают. А впредь, когда будут выдаваться денежные награды, смотрите, чтобы этим людям ничего не досталось.

— Слушаюсь, раб велю И Маню заняться этим.

— Мм, И Мань уже подрос, ему пора набираться опыта. Сделает все как надо — наградим.

— Э-э, раб принимает милость Вашего Величества за своего ученика!

Разобравшись с делами, переданными Чанлэ, Дуань Чанчуань снова посмотрел на Дуань Циньсюэ:

— Всё улажено. Раз это происшествие началось из-за меня, то и сглаживать его должен я.

Девушка тут же изогнула брови в улыбке и закивала:

— Какой у Вашего Величества превосходный метод! И чужого достоинства не уязвил, и урок им преподавал! Мугэ, ты видишь? Управчая людьми, нужно не только относиться к ним как к людям, но и держать за самое чувствительное место — вот тогда это приносит пользу.

Мугэ торопливо опустила голову в поклоне:

— Рабыня поняла. Рабыня — неграмотная служанка, как она смеет сравнивать себя с Вашим

Величеством, вы слишком милостивы к рабыне, госпожа.

Девушка, которую только что «укоряли», ни капли не смутилась, а вместо этого с веселой улыбкой ухватила Дуань Чанчуаня за рукав:

— Зачем Ваше Величество пожаловал сегодня в Императорскую конюшню?

Юноша опустил взгляд на тонкую руку на своем рукаве, немного растерянно произнес:

— Пришел навестить Сюсю, да прокатить ее пару кругов. Ты... хочешь со мной?

— С удовольствием! Конские усадьбы во дворце содержат прекрасно, мне как раз тоже хотелось сделать круг!

Дуань Чанчуань вывел Сюсю на поводке и направился прямо на ипподром.

Облаченная в костюм для верховой езды девушка как раз завершила круг и подъехала ближе, натягивая поводья.

— Ваше Величество, а вы пришли! Я тут видела, как конные воины могут стрелять из лука на полном скаку, а мой дядя говорил, что сначала нужно научиться управлять конем с помощью ног, и только потом овладевать этим искусством. Вот только у меня силенок маловато, никак не могу освоить. Дядя говорил, что Ваше Величество уже в четырнадцать лет умели это делать, не позволите ли Циньсюэ поучиться?

Юноша вскочил в седло и протянул руку стражнику.

Тот поспешно преподнес лук со стрелами на вытянутых руках.

Зажав конские бока ногами, он зычно крикнул:

— Но!

В тот же миг копыта взбили пыль, и скакун понесся к середине ипподрома.

Шел самый расцвет часа кролика, на востоке уже зарезвело небо. Юноша в расшитых золотом шелковых одеждах казался сплошь озаренным лучами света.

Проезжая мимо мишени, он единым плавным движением выхватил стрелу из-за спины, натянул тетиву, и в следующий миг в самом центре мишени уже торчало надежно вошедшее в дерево древко.

Вокруг раздалась бурные возгласы одобрения.

Появившаяся неподалеку со сна в глазах Бай Су как раз застала момент, когда юноша, восседая на коне с натянутым луком, сиял нащенной горделивой улыбкой.

А скакавшая на белом коне девушка неслась к нему навстречу, взмахивая хлыстом.

— Какое у Вашего Величества мастерство!

— Не лучше, чем у мужчин из армейских рядов.

— С чего это вдруг! Разве Ваше Величество сравнивал себя со стражниками? Циньсюэ видит, что Ваше Величество далеко превосходит армейских мужей. Кто выше, а кто ниже — стоит только вывести их на состязание, как все сразу станет ясно!

Из груди юноши вырвался короткий смешок:

— Когда мне было четырнадцать, я уже не знал поражений во всем Шэнцзине. Если бы я заставил их состязаться со мной еще в четырехлетнем возрасте, это мастерство могло проявиться на десять лет раньше.

Девушка замерла, а затем ее звонкий смех ранесся по всей тренировочной площадке.

Поистине пара, созданная небесами.

Донельзя гармоничная и режущая глаза.

Тьфу, нашелся же кто-то, кто, женившись на Императрице, все равно умудряется крутить романы на стороне.

И кто-то, кто в одиночку угодил в этот мир и молча ждет, пока нагрянет приступ синдрома потери супруга, после чего благополучно отдаст концы.

Впервые после перемещения в этот мир Бай Су почувствовала укол боли.

Она всегда считала, что у нее есть жена, и эта жена — вовсе не здешний юный Сын Неба Дуань Чанчуань, а омега из другого измерения, омега, связанная с ней коммерческим браком, но при этом безумно от нее зависящая.

Но, увидев, как юноша нынче держится так близко с другой девушкой и при этом так счастливо улыбается, она вдруг поняла... вовсе она не обладает той легкостью, о которой

воображала.

Сильная ревность и тяжелая боль.

Ощущение, будто кого-то, кто принадлежит тебе, нагло отняли чужие руки.

[Черт бы побрал эту альфачскую собственническую жилку.]

Потерев железу на затылке, где уже начали выделяться феромоны, Бай Су повернулась, намереваясь уйти подальше — с глаз долой, из сердца вон.

Как вдруг услышала сбоку презрительный голос:

— Какую бы роскошную одежду ни напялила курица и на какое бы высокое место ее ни водрузили, курицей она все равно останется. Ей никогда не превратиться в феникса, и никто в здравом уме не станет почитать ее за феникса.

Она повернула голову и увидела служанку в наряде дворцовой горничной.

Та смотрела на нее с кривой усмешкой и откровенным презрением.

Бай Су: ...

Неужели те самые дворцовые интриги?

Первой мыслью Бай Су было: раз уж тут интриги, явилась бы хоть какая-нибудь наложница или благородная госпожа, почему это горничная вознамерилась конкурировать с Императрицей?

Второй мыслью было: Дуань Чанчуаня Регент контролирует вдоль и поперек, еще неизвестно, сколько он просидит на этом троне, а тут находятся смертники, которые так отчаянно рвутся на рожон?

— С чего это тебя так желчь разъедает? Уж не постельная ли ты наложница императора? — сорвалось у нее с языка.

Закончив говорить, она остолбенела сама.

Едва переместившись сюда, она сразу оказалась в свадебном паланкине, а поскольку Дуань Чанчуань женился впервые, ей все казалось, что за все свои восемнадцать лет у него прежде не было женщин.

И лишь сегодня она вспомнила: правители и принцы этой эпохи обычно начинали делить постель со служанками едва ли не с подросткового возраста.

А Дуань Чанчуаню нынче исполнилось восемнадцать.

Бай Су, которая изначально собиралась слегка уколоть собеседницу: ...

Пожалуй, это и называется: победить врага ценой трех десятков тысяч собственных потерь.

<http://bllate.org/book/21020/2136741>